

Манкиева Эсет Хамзатовна

Л. Н. ТОЛСТОЙ. "КАВКАЗСКИЙ ПЛЕННИК": ОТ ГЕНДЕРНОЙ СИММЕТРИИ К МЕЖЭТНИЧЕСКОМУ ДИАЛОГУ

В статье объектом исследовательского внимания становится лиро-эпический рассказ Л. Н. Толстого "Кавказский пленник" с его ярко выраженным гендерным дискурсом, основанным на сложных и противоречивых взаимоотношениях между маленькой горской девочкой и русским офицером. Согласно художественно-философской концепции писателя, каждый коммуникативный жест персонажей, преодолевая утилитарный характер, символизирует необходимость перехода человечества от милитаристского сознания к идее братолюбивого единства всех потомков Адама. При анализе рассказа большое внимание уделяется предметам, которые выходят из своей утилитарной оболочки и превращаются в символы межкультурной коммуникации. Ключевое место среди них занимает "глиняная кукла", представляющая собой культурологический текст, обращенный к женской милосердной душе. Второй по значимости символический предмет - "кувшин с молоком", олицетворяющий женское заступничество, женскую помощь с противоположного лагеря. Глубокая яма, в которую помещен русский пленник, символизирует серьезный кризис в международных отношениях в период Кавказской войны. Лестница изображается автором как счастливый знак преодоления военного кризиса двумя народами.

Адрес статьи: www.gramota.net/materials/2/2018/1-1/10.html

Источник

Филологические науки. Вопросы теории и практики

Тамбов: Грамота, 2018. № 1(79). Ч. 1. С. 42-45. ISSN 1997-2911.

Адрес журнала: www.gramota.net/editions/2.html

Содержание данного номера журнала: www.gramota.net/materials/2/2018/1-1/

© Издательство "Грамота"

Информация о возможности публикации статей в журнале размещена на Интернет сайте издательства: www.gramota.net

Вопросы, связанные с публикациями научных материалов, редакция просит направлять на адрес: phil@gramota.net

FORMATION OF THE ARAB JOURNALISM OF LEBANON IN THE SECOND HALF OF THE XIX CENTURY

Malakhovskii Aleksei Kimovich, Ph. D. in History, Associate Professor
Peoples' Friendship University of Russia, Moscow
rector@rudn.ru

The article is devoted to the analysis of the beginning of the process of the Arab press activation in Lebanon in the second half of the XIX century, when the country was an integral part of the Ottoman Empire. The author considers both the role of the activity of the first Lebanese newspapers and magazines, as well as their influence on the neighboring Arab countries. It is concluded that the formation of the periodical press of Lebanon, which was one of the manifestations of the awakening of the Arab social and political thought – “nahda” (renaissance), had a significant influence on the development of the Arab journalism.

Key words and phrases: Arab journalism; Lebanon; “Mir'at al-Akhval”; “Al-Dzhavaib”; “Khadikat al-Akhbar”; “Al-Dzhinan”; Christian journalists; Muslim journalists; “Samarat al-Funun”; Abdul Hamid II; repressive policy; “Al-Nahda” (Arab renaissance).

УДК 821.161.1

В статье объектом исследовательского внимания становится лиро-эпический рассказ Л. Н. Толстого «Кавказский пленник» с его ярко выраженным гендерным дискурсом, основанным на сложных и противоречивых взаимоотношениях между маленькой горской девочкой и русским офицером. Согласно художественно-философской концепции писателя, каждый коммуникативный жест персонажей, преодолевая утилитарный характер, символизирует необходимость перехода человечества от милитаристского сознания к идее братолюбивого единства всех потомков Адама. При анализе рассказа большое внимание уделяется предметам, которые выходят из своей утилитарной оболочки и превращаются в символы межкультурной коммуникации. Ключевое место среди них занимает «глиняная кукла», представляющая собой культурологический текст, обращенный к женской милосердной душе. Второй по значимости символический предмет – «кувшин с молоком», олицетворяющий женское заступничество, женскую помощь с противоположного лагеря. Глубокая яма, в которую помещен русский пленник, символизирует серьезный кризис в международных отношениях в период Кавказской войны. Лестница изображается автором как счастливый знак преодоления военного кризиса двумя народами.

Ключевые слова и фразы: кавказоведение; русская литература; Л. Н. Толстой; рассказ; гендер; военное противостояние; мирный диалог.

Манкиева Эсет Хамзатовна, к. филол. н.
Московский государственный университет имени М. В. Ломоносова
aset.mankieva@mail.ru

Л. Н. ТОЛСТОЙ. «КАВКАЗСКИЙ ПЛЕННИК»: ОТ ГЕНДЕРНОЙ СИММЕТРИИ К МЕЖЭТНИЧЕСКОМУ ДИАЛОГУ

Основной целью статьи является художественная интерпретация рассказа Л. Н. Толстого «Кавказский пленник» с позиций гендерного литературоведения. Достижение этой цели требует решения задач, связанных с уточнением творческой истории рассказа, а также определением его места в системе русской реалистической школы XIX века, в частности ее кавказоведческой ветви.

Лев Николаевич Толстой (1828-1910) никогда не был кабинетным писателем. Его глубоко волновала просветительская деятельность, которая на практике реализовалась в открытии общеобразовательных школ для крестьянских детей. В 1859 г. русский писатель по собственному усмотрению открывает Яснополянскую школу, в которой преподаются чтение, письмо, чистописание, грамматика, закон Божий, рассказы по русской истории, арифметика, элементарные сведения по природоведению и географии, рисование и пение. Толстой критиковал методику обучения старой, традиционной школы, основанной на схоластике, умозрительной информации, оторванной от действительности. Воплощая свои педагогические идеи в жизнь, он самостоятельно начинает писать учебники, решив для себя, что основным критерием детской литературы должны быть высокая художественность, лаконичность, увлекательный сюжет, простота изложения, доступная для сознания ребенка. Еще два обязательных требования – нравственная тематика и история из жизни русского народа.

Строго придерживаясь этих требований, Л. Н. Толстой в 1870-е гг. написал и издал три знаменитых учебника – «Азбука», «Новая азбука» и «Книга для чтения», которые для нескольких поколений русских детей стали настольными книгами.

Примечательно, что среди басен, сказок, загадок, пословиц и занимательных рассказов автор помещает и такой специфический рассказ, как «Кавказский пленник», специально написанный для «Азбуки». По всей вероятности, автору, относительно недавно вернувшемуся с арены военных действий на Кавказе, важно было силой художественного слова подчеркнуть значимость таких нравственных ценностей, как мужество, сила духа, товарищество. Но он не ограничивается идеализацией перечисленных качеств, большей частью свойственных представителям мужского рода.

Для Толстого-пацифиста, отрицающего войну как наиопаснейшую из всех мыслимых социальных катастроф, еще более важными представляются такие человеческие качества, как доброта, милосердие, сострадание, умение встать над военным конфликтом. Весьма характерно, что все перечисленные нравственно-этические качества русский писатель вкладывает в образ женщины, горянки – маленькой девочки по имени Дина.

Действие рассказа, по сложившейся традиции, происходит на северокавказском фронте XIX века. Характерно, что, обозначая жанр произведения, автор счел уместным указать под заголовком слово «быль», подчеркнув тем самым реалистичность описываемых событий. Весь рассказ представляет собой драматическую историю пребывания русского офицера Жилина в плену у северокавказских горцев.

Произведение можно рассматривать с разных точек зрения. Во-первых, в нем представлены два мужских архетипа в образе Жилина и Костылина. Жилин – сильный духом, находчивый, творческий, способный на риск, отважный, полагающийся только на себя, но не на родных, которых он даже не осмеливается тревожить просьбой о выкупных денежных средствах. Костылин – грузный, рыхлый, пассивный, боязливый, слабый духом, отказывающийся от борьбы за спасение, идущий легким путем (просит выкуп у родственников). Вполне понятно, что Л. Н. Толстой на примере двух противоположных персонажей показывает учащимся яснополянской школы художественный образец настоящего мужчины. Здесь считаем уместным процитировать отрывок из книги Ю. А. Гагарина «Дорога в космос», где первый космонавт, рассказывая о своих кумирах, «с кого он делал жизнь», пишет: «В это время попала мне книга, которая оставила яркий след на всю жизнь. Это был рассказ Льва Толстого “Кавказский пленник”. Очень мне нравился русский офицер Жилин, его упорство и смелость. Такой человек нигде не пропадет. Попав в плен, он бежал да еще помогал бежать Костылину, человеку, слабому духом» [1, с. 19].

Во-вторых, в анализируемом рассказе в качестве центральных героев можно выделить Ивана Жилина и Дину. Движущей силой всего рассказа выступает дружба между ними – дружба, которая, на первый взгляд, кажется совершенно немыслимой и невероятной в заданных историко-социальных условиях. Каждый из героев является представителем антагонистически настроенного лагеря. У Дины нет никаких оснований любить представителей вражеской армии, которые жгут горные аулы, убивают ее родственников, являются «неверными гяурами». Для Жилина, казалось бы, она – дочь его угнетателя, мучителя, «злого хозяина». Толстой намеренно из сферы взаимоотношений Жилина и Дины исключает любовный фактор (усилив возрастную разницу), чтобы в чистом виде подчеркнуть только *человеческие* (курсив наш. – Э. М.) интересы, идущие «поверх конфликта» [4, с. 109].

Л. Н. Толстой ни на секунду не забывает, что рассказ пишется для детей, поэтому он уделяет особое внимание созданию полновесного, колоритного образа маленькой девочки, призванной являть собой пример высшего гуманизма. Автору важно нарисовать персонифицированный облик доброты, поэтому он дает подробное описание внешности Дины – «тоненькая, худенькая, лет тринадцати», «глаза черные», «лицом красивая». С реалистической точностью писатель описывает и одежду Дины: «Одега в рубаху длинную, синюю, с широкими рукавами и без пояса. На полах, на груди и на рукавах оторочено красным. На ногах штаны и башмачки, а на башмачках другие с высокими каблуками: на шее монисто, все из русских полтинников. Голова непокрытая, коса черная, и в косе лента, а на ленте привешены бляхи и рубль серебряный» [5, с. 492].

Надо заметить, сама одежда представляет собой некий культурный «текст», в котором ощущается переплетение элементов различных культур, в частности, восточное одеяние органично дополнено «русскими полтинниками» и «рублем серебряным». Такое сочетание уже являет собой намек на возможность межэтнического диалога, который в ситуации «пленившие – пленник» поначалу кажется немыслимым. Первым эту брешь в отношениях пробивает Иван Жилин – «на всякое рукоделье мастер» [Там же, с. 495]. Как пробный шаг в условиях абсолютного дефицита материала он изготавливает глиняную куклу «с руками, с ногами, в татарской рубахе» [Там же] и молча выставляет ее на крыше сарая. Следует заметить, со времен палеолита (каменного века) кукла присутствует в истории человечества, играя роль женского божества, оберега, предмета для детских игр.

Весьма символично, что русский узник, вылепивший женскую фигурку в подарок горской девочке, подсознательно вызывает к женскому, милосердному началу в стане противников. Сам материал – мягкий, податливый, пластичный – служит художественным указанием на конструктивную возможность договорных отношений. Глиняная куколка – это и прообраз души русского человека, своего рода «письмо» во вражеский лагерь, предложение дружбы и мира. Интересно, что ребенок (Дина) сразу принимает дар пленника («куклу лоскутками красными убрала и качает, как ребенка, сама по-своему прибаюкивает»), в то время как старая женщина не настроена на коммуникацию с «гяуром» – «старуха забранилась на Дину, выхватила куклу, разбила ее, услала девочку куда-то на работу» [Там же, с. 496]. Настойчивый Жилин на деструктивную реакцию злобной старухи отвечает изготовлением еще более красивой, совершенной куклы.

Добро порождает добро. В ответ на подарок русского офицера молодая горянка тайне от родственников приносит кувшин с молоком вместо положенной воды. Здесь вновь обращает на себя внимание активно «работающий» на контекст символ «молока», связанный с материнской заботой, средством примирения кровников, эликсиром жизни и здоровья. Согласно энциклопедическому словарю символов, «молоку приписывается способность, позволявшая гасить огонь молнии, которая отмечена мужским началом» [6, с. 544].

Ответные подарки Жилина миру горцев также приобретают все более изощренную и творческую форму – русский мастер из подручного материала изготавливает настоящий шедевр – композицию из «бабы и мужика на колесе», «поставил колесо на ручей», «колесо вертится, а куколочки прыгают» [5, с. 496]. Мастеровитый русский потихоньку завоевывает авторитет у горцев: чинит часы, ружье, пистолет, лечит травами. За это получает

от хозяина награду: старый бешмет («годится покрыться ночью») и расширение радиуса свободного передвижения по окрестностям аула.

Толстой-реалист точно воссоздает двойственное положение русского пленника середины XIX в. на территории Кавказа. С одной стороны, он испытывает уважительное отношение к себе со стороны простых горцев («Ай, Иван! Ай, урус! Иван хорошо!»), даже понемногу учит язык местных жителей. Но, с другой стороны, есть и те, кто «косятся на него как на зверя», требуют «убить русского» [Там же, с. 497]. Как показывает Толстой, градус отношения к пленнику индивидуален со стороны горцев и чаще всего обусловлен реакцией на действия царской армии. Так, раскрывая причину неприязни одного «аксакала» к Жилину, Толстой устами хозяина рассказывает его историю: «У него было три жены и восемь сынов. Все жили в одной деревне. Пришли русские, разорили деревню и семерых сыновей убили. Не любит он вашего брата» [Там же]. Иван Жилин – не просто пленник, но заложник, на судьбе которого отражается положение дел на фронтире. Недаром он решается на отчаянный побег в ночь, когда «татары вернулись сердитые» [Там же, с. 499] с убитым товарищем на седле лошади.

В образе Ивана Жилина русский писатель создает высшее воплощение человека, который даже в самой экстремальной ситуации не теряет «лицо», абсолют морально-нравственных качеств. Примечательно, что ему не нужна свобода, обретенная ценой предательства по отношению к обессилевшему спутнику. В момент, когда лишь одна верста отделяет Жилина от вожаемой свободы, он решает для себя: «Нет, не пойду, не годится товарища бросать» [Там же, с. 503].

Статус вторично пойманного пленника бесповоротно осложняет положение Ивана Жилина, против которого теперь ополчаются все, даже те, кто раньше испытывал к нему симпатию. Их с Костылиным теперь вместо сарая помещают в глубокую сырую яму и во избежание нового побега на ноги надевают колодки с крепкими замками. Положение беглецов осложняется и тем, что Царской армии подошли близко к горному аулу, это, естественно, вызывает чувство еще большего ожесточения к русским пленникам.

У Л. Н. Толстого в анализируемом рассказе задействована целая серия микрообразов, подчеркивающих ситуацию глубочайшего кризиса в отношениях русских и горцев. Это – «глубокая яма» [Там же], куда помещены пленники, почти что заживо похороненные. Яма – это символическое обозначение пропасти, провала дипломатических отношений между враждующими сторонами. Другой микрообраз – деревянная колодка с металлическим замком, намертво сковавшая движение человеческих ног. В символично-метафорическом плане такой же замок оказался навешен на любые формы культурного диалога между участниками Кавказской войны.

В этой, казалось бы, фатальной ситуации спасение нисходит от маленькой девочки, оказавшейся большим миротворцем. Эта маленькая девочка оказывается достаточно мудрой и достаточно смелой, чтобы единолично пойти наперекор своей семье, всему аулу, совету старейшин, мулле, официальной идеологии русских и кавказских политиков и просто чисто по-человечески, по-женски спасти от смерти пленника, попавшего в беду. Ей важно было даровать обреченному человеку жизнь.

Л. Н. Толстой, как писатель и как философ, больше всего ценит таких героев, которые в русле христианского миропонимания могут встать над всеми социальными и политическими конфликтами и думать только о спасении души человеческой, как чужой, так и своей. В ряду таких милосердных толстовских героев свое законное место занимает Дина, своим незамутненным сознанием, женской и детской интуицией отвергающая все формы насилия и выстраивающая диалог с «инокультурным ближним», вопреки «коллективному сумасшествию» [4, с. 116] как российских, так и кавказских милитаристов.

Наилучшую оценку такой ситуации дает литературовед К. К. Султанов в статье с примечательным названием «Поверх конфликта, или Быть услышанным»: «Повествование о трагической судьбе человека Толстой превратил не просто в опыт познания кавказского бытия, но и в чуткую диагностику возможного сближения. Сила художественной интеграции различий такова, что в центральном фокусе повествования оказывается не арифметика войны и непримиримого противостояния сторон, а алгебра человеческих отношений независимо от религиозной и национальной принадлежности: художественная мысль выходит на онтологический уровень миропонимания. Постколониальный взгляд Толстого свободен от милитаристского пафоса, отличается усилением в изображении войны факторов человеческой многомерности, изначального сопротивления человеческой природы перманентному насилию» [Там же, с. 117-118].

Именно такая красивая «алгебра человеческих взаимоотношений» выстраивается между маленькой горской девочкой и офицером российской армии. Символичен финал рассказа «Кавказский пленник». В минуту наивысшего отчаяния сидящий в глубокой яме Жилин «ковыряет глину, лепит кукол» – это вновь его внутренний посыл, надежда на женское милосердие и сострадание. В эту же минуту с высоты, фактически с неба, на него падают две лепешки, далее «черешни посыпались». Подчеркивая небесное, астральное начало в маленькой спасительнице, автор сравнивает ее со «звездой»: «... глазенки так и блестят, как звездочки» [5, с. 504]. И в другом месте: «Поглядел вверх, – звезды высоко на небе блестят; и над самую ямой, как у кошки, у Дины глаза в темноте светятся» [Там же, с. 505]. В данном случае блеск, свет ассоциируются со светом разума, противопоставляемого темноте, невежеству, низменным и темным инстинктам враждующих людей.

Для того чтобы вызволить из глубокой ямы «кавказского пленника», Дина использует длинную палку, шест, своего рода импровизированную лестницу. «Символ постепенного восхождения, пересмотра ценностей, лестница воплощает переход из одной плоскости в другую, духовный путь сознания, которое проходит различные состояния, соответствующие ступеням инициации – восхождения от материальной основы к вершине духовности» [2, с. 216]. Данная символика лестницы, предложенная Надей Жюльен, имеет логическую соотнесенность с предметным миром Л. Н. Толстого, с той конкретной лестницей, которую малолетняя девочка Северного Кавказа протянула русскому военнопленному. Сама вертикальная позиция лестницы

содержит в себе идею подъема, идею восхождения. Перефразируя слова З. А. Кучуковой, можно сказать, что в данном случае «пространственный архетип “вертикаль” задает онтологическую ритмику всей системе объективной и духовной жизни главных персонажей» [3, с. 285]. Вертикальный шест, протянутый мужчине женщиной во имя его спасения, с гендерной точки зрения может быть интерпретирован как призыв выбраться из ямы милитаристских предрассудков, покончить с агрессией, перейти из нижнего (сырого, могильного, смертельного) мира в чистый мир свежего воздуха, мира и свободы.

В той же мере символически нагруженным в рассказе Л. Н. Толстого является и такой специфический объект, как колодка – «деревянное приспособление, надевавшееся в старину на ноги арестантам для предупреждения побега» [5, с. 505]. Колодка, надетая на ногу Жилина, показывает, что Мужчина стреножен, трагически привязан к войне, не в силах освободиться от милитаристского сознания. Весьма характерно, что своим рациональным мышлением он хотел бы освободиться от этого «капкана»: «...взял камень острый, стал замок колодки выворачивать, а замок крепкий, – никак не сойдет» [Там же].

С еще большим усердием Женщина пытается сломать фатальный «замок», связавший Мужчину и Войну воедино: «Дина села на коленочки, начала выворачивать, да ручонки тонкие, как пруттики, – ничего силы нет. Бросила камень, заплакала» [Там же].

Если «переформатировать» приведенный отрывок в «гендерный манифест», то плач Дины будет прочитываться как протест всех женщин мира от седой древности до сегодняшних дней против любой формы войны. По отношению ко всему человечеству война деструктивна, но женщина в силу своей материнской природы особенно остро ощущает противоестественность, абсурдность войны, уничтожающей все живое и светлое.

Плач Дины в финале рассказа – это плач всех женщин мира по поводу неискоренимости милитаристского сознания мужчин. Ей, маленькой женщине с большим мудрым сердцем, так и не удалось расколоть замок, «приковавший» мужчину к профессиональной военной деятельности. Следует заметить любопытную деталь: с беглеца – Жилина, добравшегося в итоге до своей родной русской крепости, товарищи-однополчане сняли колодку. Но в высшем философском смысле ногу воина освободили, однако «колодка» в его сознании все равно осталась. Недаром рассказ завершается трагически-ироничным признанием русского офицера: «Вот я и домой съездил, женился! Нет, уж, видно, не судьба моя» [Там же]. Жилин «остается служить на Кавказе» [Там же] – и этот факт подчеркивает «гендерную неизлечимость» мужской природы, неспособной расстаться с оружием окончательно и бесповоротно.

Итак, задуманный Л. Н. Толстым как детское произведение, рассказ «Кавказский пленник» перерастает рамки своего жанра и превращается в философский текст с ярко выраженной антивоенной направленностью. В образе Дины, маленькой девочки с большими миротворческими возможностями, автор воплотил сущность женской природы, способной подняться «поверх конфликта» [4, с. 109] и проявить чувство сострадания и милосердия к ближнему, даже если он является официальным противником ее народа. В нравственном облике малолетней горской девочки просматривается первоначало движений «Белые миротворческие платки» и «Материнское сердце», которые на рубеже XX-XXI веков на Северном Кавказе станут мощной антивоенной общественно-правовой силой.

Список источников

1. Гагарин Ю. А. Дорога в космос. М.: Воениздат, 1969. 352 с.
2. Жюльен Н. Словарь символов / пер. с фр. Челябинск: Урал LTD, 1999. 512 с.
3. Кучукова З. А. Онтологический метакод как ядро этнопоэтики. Нальчик: Издательство М. и В. Котляровых, 2005. 312 с.
4. Султанов К. К. От Дома к Миру: этнонациональная идентичность в литературе и межкультурный диалог / Ин-т мировой лит. им. А. М. Горького РАН. М.: Наука, 2007. 302 с.
5. Толстой Л. Н. Кавказский пленник. Повести и рассказы. М.: Детская литература, 1978. 686 с.
6. Энциклопедический словарь символов / авт.-сост. Н. А. Истомина. М.: АСТ; Астрель, 2003. 591 с.

L. N. TOLSTOY'S "THE PRISONER OF THE CAUCASUS": FROM GENDER SYMMETRY TO INTER-ETHNIC DIALOGUE

Mankieva Eset Khamzatovna, Ph. D. in Philology
Lomonosov Moscow State University
aset.mankieva@mail.ru

In this article, the object of research attention is L. N. Tolstoy's lyric epic short story "The Prisoner of the Caucasus" with his pronounced gender discourse based on complex and contradictory relationships between a small mountain girl and a Russian officer. According to the artistic and philosophical conception of the writer, every communicative gesture of the characters, overcoming the utilitarian nature, symbolizes the need for humanity to move from militaristic consciousness to the idea of brotherly unity of all descendants of Adam. During the analysis of the short story, much attention is paid to the subjects that come out of their utilitarian shell and become the symbols of cross-cultural communication. The key place among these items is the "clay doll", which is a culturological text addressed to the female merciful soul. The second most important symbolic object is a "jug with milk", personifying the female intercession, women's help from the opposite camp. The deep pit, in which the Russian prisoner is placed, symbolizes a serious crisis in international relations during the Caucasian War. The ladder is portrayed by the author as a happy sign of overcoming the military crisis by two peoples.

Key words and phrases: Caucasian studies; Russian literature; L. N. Tolstoy; short story; gender; military confrontation; peaceful dialogue.